

- Режим доступа: <http://www.omorphor.ru/articles/kunkite.1.htm>
6. Благотворительность на Урале. Екатеринбург, 2000. С. 114–116.
7. Карпычева, Л. А. Кто такие сестры милосердия? [Электронный ресурс] / Л. А. Карпычева // Режим доступа: <http://www.omorphor.ru/articles/sistercharity.htm>
8. Нормальный Устав общины сестры милосердия РОКК. СПб., 1903. С. 15.
9. ГАПО. Ф. 136. Оп. 1. Д. 54. Л. 61г.
10. Нормальный Устав общины сестры милосердия РОКК. СПб., 1903. С. 12.
11. Там же.
12. ГАПО. Ф. 136. Оп. 1. Д. 84. Л. 1-2.
13. ГАПО. ГАПО. Ф. 136. Оп. 1. Д. 84. Л. 1-2; Д. 67. Л. 1-3; Д. 68. Л. 1-11; Д. 71. Л. 1-17.
14. ГАПО. Ф. 136. Оп. 1. Д. 72. Л. 11-14.
15. ГАПО. Ф. 136. Оп. 1. Д. 55. Л. 27.
16. Пирогов, Н.И. О Крестовоздвиженской общине. Из письма к Э.Ф. Раден. 27.02.1876 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.meduhod.ru/library/Pirogov.zip>
17. Там же.
18. Письма Н. И. Пирогова к Е. М. Бакуниной Одесса. 5 августа 1857 г. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.meduhod.ru/library/Pirogov.zip>

И.В. Побережников
Екатеринбург

УРАЛ В XVIII — XIX ВВ. (ПРИМЕР ФРОНТИРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ)*

Урал на протяжении длительного времени сохранял освоенческий синдром, что выразилось в растянутости колонизационных процессов (заселение, аграрное, промышленное освоение), в частности, применительно к Северному и Южному Уралу; в экстенсивном характере аграрной экономики; в региональных, этнокультурных контрастах и диспропорциях, различной степени заселенности и освоенности территорий; в социально-сословной и этноконфессиональной мозаике и т.п.

Наличие больших массивов слабозаселенных территорий создавало предпосылки для дальнейшего переселения, миграций, разрядки демографического давления в густонаселенных районах. Продолжавшаяся колонизация тормозила переход от экстенсивных к интенсивным методам освоения пространства, закрепляла на длительное время доминирование добывающих отраслей экономики, низкотехнологичные уклады в центре страны, транслировала их на периферию. Освоение новых пространств как ведущий региональный процесс сближало Россию с переселенческими странами, в частности, со странами Нового света [1].

Проявлением фронтирности являлась заметная милитаризация региона, проявлявшаяся в размещении здесь фортификационных сооружений, регулярных воинских частей, поселенных иррегулярных формирований (Яицкое, Оренбургское казачество, Башкиро-мещеряцкое войско), установлении особых военизированных форм администрации (военный губернатор, генерал-губернатор).

Так, в связи с активизацией колонизации Южного Урала в 1734 г. там была сформирована самостоятельная областная единица, в значительной степени ориентированная на военно-колонизационную деятельность, — Оренбургская экспедиция (с 1739 г. — Оренбургская комиссия, с 1744 г. — Оренбургская губерния), подчиненная непосредственно Сенату. С самого момента образования новой губернии в ее управлении существенную роль играл военный элемент [2]. Начальник губернии призван был решать сложный узел военно-политических, административно-управленческих, хозяйственно-экономических проблем освоения Южного Урала и Заволжья, расширения разнообразных связей России с Казахстаном и Средней Азией.

* Статья подготовлена в рамках Государственного контракта 02.740.11.0348 шифр 2009-1.1-301-072 («Социокультурные и институционально-политические механизмы исторической динамики переходных эпох»).

В XIX в. краем руководил военный губернатор или генерал-губернатор (последний пост был упразднен лишь в 1881 г. после того, как край утратил значение пограничного»).

Особая роль, которая отводилась правительством Оренбургу, нашла отражение в привилегиях (1734 г.), предоставленных городу. Возводился Оренбург в необжитой местности, на юго-восточной окраине Европейской России, где еще не было оседлого русского населения и имелось враждебное окружение в лице воинственных номадов. Именно политический (даже внешнеполитический) подтекст становления Оренбурга обусловил, как отмечает Н.В. Козлова, «исключительный в городской политике абсолютизма факт предоставления исконно российскому городу привилегии и использование для этой цели проекта, предназначавшегося для крупнейшего портового города страны», С.-Петербурга.

Естественным следствием пограничности региона, продолжения на его территории освоенческих процессов, межэтнической миксации является конгломератность, т.е. длительное сосуществование и устойчивое воспроизводство пластов разнородных моделирующих элементов и основанных на них отношений. Согласно концепции А.Д. Богатурова и А.В. Виноградова, данные пласты образуют внутри общества анклав, эффективная организованность которых дает им возможность выживать в рамках обрамляющего общества-конгломерата [3]. Множества социально-сословных, этноконфессиональных, профессиональных групп создавали конгломератный ландшафт региона.

Конгломератность была существенно усилена в ходе модернизации, импульсы которой Урал, как регион, ощутил с начала XVIII в., времени активной промышленной колонизации края. Протоиндустриальная модернизация XVIII в. сопровождалась интенсивной диффузией западноевропейского опыта – технологического и организационного, даже буквальным переселением на Урал приглашавшихся для работы иноземных специалистов [4]. Очаговый характер модернизации реализовался в создании промышленных анклавов, окруженных сохранявшейся традиционной аграрной периферией [5].

Более того, анклавность составляла суть самой модернизации, поскольку в ее процессе широко применялись традиционные институты и социальные технологии – в частности, внеэкономическое принуждение для мобилизации трудовых ресурсов и феодальные привилегии и монополии для обеспечения экономической элиты необходимыми производственными ресурсами. Успехи уральской металлургии на протоиндустриальной стадии развития во многом достигались за счет привлечения принудительного труда мастеровых и работных людей в основном производстве и приписных крестьян на вспомогательных работах. В первой половине XIX в. была упрочена и консолидирована окружающая организация горнозаводской промышленности, построенная на крепостной основе; горнозаводское производство наделялось монопольными правами, а вся система ставилась под военно-административный контроль и государственную опеку [6].

Рыночные отношения отбрасывали свои экономические и социальные ниши еще до буржуазных реформ середины XIX в., но, с другой стороны, последние не привели к моментальному и повсеместному внедрению в экономику рыночных механизмов хозяйствования. Элементы внеэкономического принуждения длительное время сохранялись после отмены крепостного права. Условия освобождения крестьян на долгое время прикрепили их к земле, вынуждая трудиться на основе полуфеодальных «отработок». То же самое можно сказать о мастеровых

Урала, прикрепленных системой «отработок» к заводам. На Урале, к тому же, длительное время сохранялась практически в неприкосновенности окружающая система организации горнозаводского производства, крепостническая в своей основе.

Итак, к числу особенностей Урала на протяжении XVIII—XIX вв. можно отнести фронтирность, большую подвижность населения, сохранявшее свою значимость освоение в разнообразных проявлениях, особая роль военного элемента.

Включение еще недостаточно освоенного региона в модернизационные процессы способствовало усилению его гетерогенности в социальном, экономическом, культурном отношениях, причудливому переплетению традиции и новации в производственной, социально-институциональной, управленческой сферах, формированию анклавно-конгломератной пространственной структуры.

Примечания:

1. См.: Агеев А.Д. Сибирь и американский Запад: движение фронтиров. М., 2005; Супоницкая И.М. Опыт освоения земель: Сибирь и Запад // Российско-американские отношения в прошлом и настоящем: Образы, мифы, реальность / Материалы международной конференции, посвященной 200-летию установления дипломатических отношений между Россией и США, РГГУ (Москва), 21—22 февраля 2007 г. М., 2007. С. 134—143; Побережников И.В. Канадский и сибирский фронтир: общее и особенное (XVI – начало XX в.) // Уральский исторический вестник. 2009. № 2 (23). С. 25—30.
2. Готье Ю.В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. М., 1913. Т. 1. С. 114—115; Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Казань, 1897; Аполлова Н.Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII — начале XIX в. М., 1960; Смирнов Ю.Н. Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30—40-е гг. XVIII века. Самара, 1997.
3. См.: Богатуров А.Д., Виноградов А.В. Анклавно-конгломератный тип развития. Опыт транссистемной теории // Восток-Запад-Россия. М., 2002. С. 109—128.
4. Алексеева Е.В. Роль экзотенных факторов в формировании индустриальных цивилизаций // Цивилизационное своеобразие российских модернизаций: региональное измерение: материалы Всероссийской научной конференции, 2-3 июля 2009 г. Екатеринбург, 2009. С. 46—54.
5. См.: Голякова С.В., Мияненко Н.А., Побережников И.В. Горнозаводские центры и аграрная среда в России: взаимодействия и противоречия (XVIII — первая половина XIX века). М., 2000.
6. См.: Адамов В.В. Об оригинальном строе и некоторых особенностях развития горнозаводской промышленности Урала // Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности. Свердловск, 1972. С. 225—243.

И.А. Попп

Екатеринбург

ВЫДАЮЩИЕСЯ ДЕЯТЕЛИ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ 1864 Г.: ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ КЫШТЫМОВ

Многие научно-популярные издания посвящены биографиям главных деятелей судебной реформы 1864 г. [1] Исследователи называли их «отцами Судебных уставов» [2]. В отдельных трудах описывалась жизнь и деятельность выдающихся «практиков» пореформенных судебных учреждений [3]. Особое внимание уделялось знаменитым мировым судьям: О.И. Квисту, Н.А. Неклюдову, В.И. Лихачеву, М.П. Глебову, А.Н. Зиновьеву, П.П. Мельникову, П.Н. Грекову и др. [4]

Большинство этих судей служили в столичных судебно-мировых учреждениях. О провинциальных мировых судьях авторы рассказывали очень мало и редко [5]. Однако в отдаленных от столицы губерниях также работали выдающиеся судебные деятели. Одним из таких «самородков» был Евгений Иванович Кыштымов – знаменитый участковый мировой судья Шадринского судебно-мирового округа Пермской губернии.